

22 августа 2023 г.

Политика Ирана по укреплению влияния в Центральной Азии

Евгений Троицкий

В 2022 – первой половине 2023 гг. укрепление влияния в Центральной Азии стало одной из ключевых внешнеполитических задач Тегерана. Это обусловлено следующими факторами:

- Опасениями ослабления позиций России в Центральной Азии в связи с сосредоточением российских ресурсов на украинском направлении.
- Усилением влияния Турции в Центральной Азии. Иран опасается «турецкого окружения» с севера в связи с фактическим переходом Азербайджана в статус младшего партнера Анкары и дрейфом Туркменистана в орбиту турецкого влияния. Острота проблемы усугубляется рисками использования азербайджанского и туркменского меньшинств в Иране для дестабилизации ИРИ.
- Давлением движения «Талибан» на хазарейскую общину Афганистана, рисками использования массива афганских беженцев, обосновавшихся в ИРИ, для дестабилизации страны, обострением приграничных и водных противоречий с афганскими властями, приведшими к вооруженным столкновениям на афгано-иранской границе в мае 2023 г.
- Установлением в апреле 2022 г. в Пакистане политического режима, ориентирующегося, в первую очередь, на США.
- Завершением в июле 2023 г. многолетнего процесса вступления Ирана в Шанхайскую организацию сотрудничества.
- Нормализацией в марте 2023 г. отношений с Саудовской Аравией, позволившей снизить давление на ИРИ со стороны альянса аравийских монархий и перенаправить часть внешнеполитических ресурсов с Ближнего Востока на другие направления внешней политики.

Евгений Троицкий, профессор кафедры мировой политики Национального исследовательского Томского государственного университета.

Исследование выполнено при поддержке Программы развития Томского государственного университета (Приоритет-2030).

Высказанное в публикации мнение отражает исключительно личный взгляд автора
и может не совпадать с точкой зрения Центра евразийских исследований ТГУ

Основными направлениями активизации политики ИРИ в Центральной Азии стали:

1. Курс на культивирование особых связей с Таджикистаном и создание в Таджикистане форпоста иранского влияния в регионе. Иран, по-видимому, фактически предлагает взять на себя роль согаранта безопасности Таджикистана и благополучного осуществления транзита власти в Душанбе от Э. Рахмона к его сыну Рустаму Эмомали. В «активе» Тегерана – способность влиять на ориентирующуюся на Иран фракцию движения «Талибан» (при необходимости – проводить ограниченные силовые акции в Афганистане), контролировать значительную часть оппозиционных Э. Рахмону сил, политически поддерживать Таджикистан в конфликте с Киргизией.

В мае 2022 г. в Таджикистане прошла церемония открытия завода по производству иранских военных беспилотников Ababil-2. Вскоре в ходе первого за почти десятилетие визита Рахмона в Тегеран Иран и Таджикистан приняли программу торгово-экономического сотрудничества до 2030 года. Были достигнуты договоренности о создании Совместной торгово-промышленной палаты Таджикистана и Ирана и Совместного инвестиционного совета, возобновлении прямого авиасообщения. Иран пообещал завершить строительство Анзобского тоннеля. В июне под председательством заместителей министров внутренних дел состоялось первое заседание двусторонней рабочей группы по обеспечению безопасности.

В декабре 2022 г. в ходе заседания межправительственной комиссии по экономическому сотрудничеству было объявлено о намерениях Ирана инвестировать в реконструкцию нефтеперерабатывающих заводов в Таджикистане. Стороны заявили о скором открытии в Душанбе иранской школы им. Рудаки, давно построенной, но не функционировавшей. Сообщалось, что по итогам 2022 г. объем взаимной торговли (остающийся очень скромным в абсолютном выражении) вырос в три раза. В мае 2023 г. Тегеран и Душанбе договорились запустить программы подготовки врачей для Таджикистана в иранских вузах.

2. Курс на удерживание Туркменистана от слишком тесного сближения с Турцией. Иран пошел на уступки Туркменистану, согласившись выплатить ранее не признаваемый Тегераном долг за поставки туркменского газа, возобновить поставки газа из Туркменистана по трубопроводу Корпедже – Курт-Куи, увеличить объемы своповых поставок газа в рамках трехстороннего соглашения с Туркменистаном и Азербайджаном. Вместе с тем Иран отказывается от ратификации Конвенции о правовом статусе Каспийского моря до проведения разграничения дна с Туркменистаном и Азербайджаном, сохраняя возможность блокировать строительство Транскаспийского газопровода. В июне 2023 г. Иран заявил о планах создания в провинции Бушер «газового хаба» с участием России, Катара и Туркменистана.

3. Курс на сохранение нейтралитета Узбекистана в связи с ирано-американской конфронтацией. Иран обеспокоен интенсификацией американо-узбекского сотрудничества, рисками

возвращения Узбекистана к антииранской позиции второй половины 1990-х гг. Тегеран пытается убедить Ташкент в выгодах развития двустороннего экономического сотрудничества и регулярного диалога по проблемам безопасности. В марте 2022 г. стороны создали Совместную комиссию по безопасности, возглавляемую секретарем Совета безопасности Узбекистана и секретарем Высшего совета национальной безопасности ИРИ. В сентябре 2022 г. был подписан меморандум о взаимопонимании об использовании Узбекистаном порта Чабахар и достигнуты договоренности об участии иранских компаний в модернизации узбекских нефтеперерабатывающих заводов в Бухаре и Фергане. Обсуждается создание международного транспортного коридора Узбекистан – Туркменистан – Иран.

В июне 2023 г. состоялся первый за двадцать лет визит президента Узбекистана в Тегеран, в ходе которого были подписаны межправительственное соглашение о преференциальной торговле (открывающее, по оценкам иранской стороны, перспективу увеличения взаимного товарооборота до 1 млрд. долл. в год), меморандумы о сотрудничестве в области создания совместных свободных экономических зон, фармацевтики, транспорта и транзита. В то же время узбекское направление остается одним из самых слабых векторов политики Ирана в Центральной Азии. В случае эскалации американо-иранских противоречий, риск поддержки Ташкентом действий США остается значительным.

4. Курс на расширение торгово-экономических связей с Казахстаном. Иран пытается предложить Казахстану альтернативный российскому и азербайджано-турецкому направлениям транспортный маршрут. В июне 2022 г. в ходе визита К.-Ж. Токаева в Тегеран президент Казахстана заявил о необходимости более широкого использования потенциала железной дороги Казахстан – Туркменистан – Иран и наращивания перевозок по Каспию из казахстанских в иранские порты. Был подписан меморандум о сотрудничестве между АО «Казахстанские железные дороги» и Железными дорогами ИРИ. Первый контейнерный поезд, торжественно запущенный в ходе онлайн-церемонии президентами Казахстана и Ирана, прошел за 12 суток путь от Павлодара до Тегерана.

В ноябре 2022 г. с Астаной был подписан меморандум об увеличении иранско-казахстанского грузопотока с 1 до 4 млн. т. в год. Казахстану обещано содействие в выводе его агропромышленной продукции на рынки Пакистана и Индии. Иран и Казахстан заявили о намерении оптимизировать процессы таможенного оформления, проработать вопрос о создании совместной экспортно-импортной компании, запустить пилотный проект по перевозке грузов автотранспортом по маршруту Казахстан – Туркменистан – Иран с использованием навигационных пломб. Иранская сторона согласилась зарезервировать для Казахстана участок земли в порту Бандар-Аббас для строительства казахстанского зернового терминала. Обсуждается вопрос о возобновлении своповых поставок казахстанской нефти в Иран. Стороны ввели безвизовый режим для поездок граждан продолжительностью до 14 дней.

В апреле 2023 г. состоялся визит премьер-министра Казахстана А. Смаилова в Иран, в ходе которого было подписано соглашение о развитии перевозок между портами Курык и Амирабад. Стороны обсуждают перспективы создания совместного предприятия для поставок казахстанской сельхозпродукции через Иран в страны Персидского залива.

Развитию казахстанско-иранских торгово-экономических связей препятствуют сравнительно малые объемы торговли между Казахстаном и Ираном (см. Приложение), режим санкций против Тегерана и трудности в проведении взаиморасчетов, зависимость казахстанского руководства и действующих в Казахстане транснациональных компаний от политики США, нежелание аравийских монархий и Пакистана способствовать повышению региональной роли Ирана через использование его транзитного потенциала.

Периферийным направлением центральноазиатской политики Ирана остаются отношения с **Кыргызстаном**. Незначителен объем торгово-экономических связей; Кыргызстан фактически не нуждается в иранских портах для экспорта своей продукции. Бишкек обеспокоен производством иранских беспилотников в Таджикистане, хотя Тегеран заверял кыргызскую сторону, что Таджикистан «не должен» использовать Ababil-2 в пограничном конфликте с Кыргызстаном, и даже предлагал собственное посредничество в таджикско-кыргызском урегулировании.

Ожидалось, что импульс двусторонним отношениям даст встреча президентов двух стран, прошедшая в сентябре 2022 г. «на полях» саммита ШОС в Самарканде, в ходе которого президенту Кыргызстана было передано приглашение нанести визит в Иран. Однако визит, громко анонсированный в феврале 2023 г., так и не состоялся. По-видимому, свою роль сыграли курс Бишкека на интенсивное развитие отношений с Турцией и аравийскими монархиями – традиционными соперниками ИРИ – и нежелание Кыргызстана раздражать сближением с Ираном западных партнеров. Иран и Кыргызстан неспешно обсуждают создание совместного Фонда развития, инвестиционные проекты в сферах транспорта, логистики и животноводства, в мае 2023 г. в Мешхеде состоялся двусторонний бизнес-форум. Стороны выражают готовность и к развитию сотрудничества в сфере высшего образования. Однако реальной активизации двустороннего взаимодействия не происходит.

В условиях все более сомнительных перспектив восстановления «ядерной сделки» и смягчения американо-иранских противоречий для иранской дипломатии в Центральной Азии можно прогнозировать умеренное укрепление позиций на таджикском направлении, минимальное продвижение на туркменском и узбекском направлениях и стагнацию в отношениях с Казахстаном и Кыргызстаном.

Приложение
Товарооборот Ирана со странами Центральной Азии в 2020-2022 гг.
(млн. долл.)

Страна	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Казахстан	237	441	528
Узбекистан	243	422	416
Кыргызстан	20	27	48
Таджикистан	57	121	238
Туркменистан	155	368	нет данных

Для Казахстана Иран по объемам товарооборота стабильно находится в третьей десятке торговых партнеров. Среди внешнеторговых партнеров Узбекистана Иран по итогам 2022 г. занимал 11-ю позицию в списке импортеров и 14-ю – в списке экспортеров. Для Таджикистана Иран входил в 2022 г. в десятку основных торговых партнеров (шестое место по экспорту и восьмое – по импорту), а для Туркменистана являлся в 2021 г. пятым (после Турции, России, Китая и Италии) импортером. Хотя официальные данные о туркменско-иранской торговле за 2022 г. не опубликованы, иранской стороной сообщалось о росте товарооборота на 32 %. Для самого Ирана на товарооборот со всеми пятью странами Центральной Азии пришлось в 2021 г. 1,8 % общего объема внешней торговли.